

ПРИНЦЕССА МАРСА

ПРЕДИСЛОВИЕ

К читателям этой книги

Представляя вам публикацию странной рукописи капитана Картера, я хочу немного рассказать об этом примечательном человеке. Уверен, это будет интересно читателям.

Мое первое воспоминание о капитане Картере касается тех немногих месяцев, что он провел в доме моего отца в Виргинии, как раз перед началом Гражданской войны. Мне тогда было около пяти лет от роду, однако я хорошо помню этого высокого, смуглого, атлетически сложенного мужчину, которого я называл дядей Джеком.

Казалось, капитан постоянно улыбался; он принимал участие в подвижных детских играх с той же дружеской сердечностью, какую являл и в светских развлечениях дам и кавалеров его возраста; порой он мог битый час просидеть с моей старой бабушкой, потчует ее историями о своих странных, необыкновенных приключениях в разных частях света. Мы все любили капитана, а наши рабы — те прямо боготворили его.

Он представлял собой образец мужественности — при росте шесть футов и два дюйма Картер был широк в плечах, узок в бедрах и мог похвастать осанкой тренированного человека. Черты его лица отличались правильностью, он всегда был чисто выбрит и коротко стриг свои черные волосы. В его серых, стального оттенка, глазах отражалась сильная и прямая натура, полная огня и энергии. Его манеры были безупречны, а учтивость соответствовала представлениям о джентльмене-южанине высшего класса.

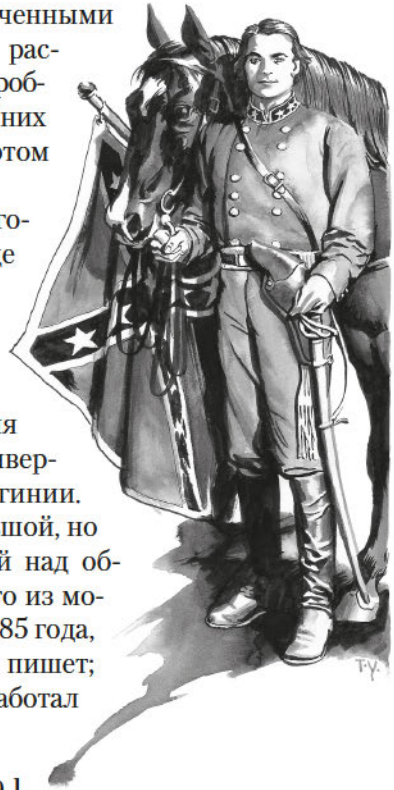
Его искусство верховой езды вызывало восторг и восхищение даже в этом краю великолепных наездников. Я частенько слышал, как мой отец предостерегал дядю Джека насчет его

рискованной и беспечной манеры держаться в седле, но тот лишь смеялся в ответ и говорил, что еще не родилась лошадь, способная его сбросить.

Как только разразилась война, он уехал, и я не видел его около пятнадцати лет. Когда же он вернулся, без предупреждения, я был весьма удивлен тем, что он совершенно не постарел и внешне никак не изменился. На людях он выглядел тем же искренним и счастливым человеком, которого мы знали прежде. Но я замечал, как он сидит часами в одиночестве, глядя в небеса, и на его лице появляется выражение страстной тоски и отчаяния; и вечером и ночью можно было застать его за этим странным занятием, но причины такого поведения я не знал, пока не прочел спустя годы его рукопись.

Он рассказывал нам, что некоторое время после войны занимался горным делом в Аризоне и был весьма успешен в разведке полезных ископаемых. Слова капитана подтверждались неограниченными средствами, имевшимися в его распоряжении. Что же касалось подробностей его жизни в те годы, он в них не вдавался, то есть вообще об этом не упоминал.

Картер пробыл у нас около года, а потом уехал в Нью-Йорк, где приобрел небольшое поместье на Гудзоне. Я раз в год навещал его, когда мне приходилось бывать в Нью-Йорке по торговым делам, — мы с отцом в то время владели и управляли сетью универсальных магазинов по всей Виргинии. У капитана Картера был небольшой, но очень красивый дом, стоявший над обрывом у реки, и во время одного из моих последних визитов, зимой 1885 года, я отметил, что капитан много пишет; как я теперь предполагаю, он работал как раз над этой рукописью.

В тот раз Картер попросил меня позаботиться о поместье, если с ним что-нибудь случится, и отдал мне ключи от сейфа, стоявшего в кабинете. Он пояснил, что там находится его волеизъявление, а также некоторые инструкции, которым я должен буду следовать в точности, в чем он и заставил меня поклясться.

Перед тем как улечься в постель, я увидел в окно, что он стоит в лунном свете на краю крутого берега, спускавшегося к Гудзону, и протягивает руки к небесам, словно просит о чем-то. Тогда я подумал, что он молится, хотя никогда не замечал, чтобы капитан был религиозным человеком в строгом смысле этого слова.

Несколько месяцев спустя после моего возвращения домой, кажется, первого марта 1886 года, я получил телеграмму, в которой капитан просил меня немедленно приехать. Он хорошо относился ко всем молодым членам семьи Картер, но именно я был его любимцем. Надо ли удивляться, что я поспешил выполнить его просьбу.

Я прибыл на маленькую станцию, расположенную примерно в миле от его владений, утром четвертого марта 1886 года. В ответ на просьбу отвезти меня к капитану Картеру кучер сказал, что для друзей капитана у него плохие новости: он был найден мертвым сегодня на рассвете, обнаружил его сторож соседнего имения.

Почему-то это известие ничуть меня не удивило. Я постарался добраться до дома капитана как можно скорее, чтобы позаботиться о покойном и о его имуществе.

Сторожа вместе с главой местной полиции я нашел в маленьком кабинете Картера. С ними были несколько горожан. Очевидец сообщил мне то немногое, что касалось обнаружения тела, которое, по его словам, было еще теплым, когда он на него наткнулся. По описанию, капитан лежал на снегу, вытянувшись во весь рост и простирая руки над головой к краю обрыва. Когда сторож показал то место, мне сразу вспомнилось, что именно там я видел моего покойного друга с воздетыми к небесам руками.

Никаких признаков насилия на теле не было, и после краткого расследования местный коронер пришел к выводу о смер-

ти от сердечного приступа. Оставшись в кабинете один, я открыл сейф и извлек содержимое того ящика, в котором, как говорил мне капитан, находятся все инструкции. Они были немного странными, надо признать, но я последовал им со всей скрупулезностью и преданностью, на какие только был способен.

Капитан распорядился доставить его тело в Виргинию, не бальзамируя, и положить в открытый гроб в склепе, подготовленном им заранее и, как я узнал позже, оборудованном отличной вентиляцией. В инструкции особо подчеркивалось, что я должен лично присмотреть за исполнением последней воли умершего и держать происходящее в тайне, если потребуется.

Что касается его собственности, то я должен был получить полный доход с поместья в течение двадцати пяти лет, после чего оно переходило ко мне. Дальнейшие инструкции касались как раз этой рукописи: предписывалось одиннадцать лет хранить ее в запечатанном виде без прочтения; также запрещалось обнародовать ее в течение двадцати одного года после его смерти.

Весьма странной особенностью склепа, где до сих пор лежит тело Картера, являлась массивная дверь, снабженная одной-единственной огромной золоченой пружинной задвижкой, которую можно было открыть только изнутри.

Искренне ваш,

Эдгар Райс Берроуз.

I

НА ХОЛМАХ АРИЗОНЫ

Я очень старый человек; сколько мне лет, я и сам не знаю. Возможно, сто, а может быть, и больше, точно сказать не могу, потому что не старею, как другие люди, а детство напрочь стерлось из памяти. Насколько помню, я всегда был мужчиной, мужчиной около тридцати лет. Сегодня я выгляжу точно так же, как сорок и более лет назад, и все же ощущаю, что не могу жить вечно; что однажды придет настоящая смерть, после которой нет воскрешения. Не знаю, с чего бы мне бояться конца, — ведь я уже дважды умирал и по-прежнему жив, — тем не менее я испытываю перед смертью тот же ужас, что и вы, ни разу не покидавшие этот свет, и, по-моему, именно этот страх убеждает меня в собственной смертности.

И из-за этой убежденности я твердо решил записать историю самых интересных периодов моей жизни и моего небытия. Я не способен объяснить сей феномен; могу лишь изложить словами обычного солдата удачу хронику тех странных событий, что произошли за десять лет, пока мое мертвое тело лежало, скрытое в одной из пещер Аризоны.

Я никогда не рассказывал об этом, и ни один смертный человек не увидит эту рукопись до тех пор, пока меня не поглотит вечность. Знаю, обычный, средний человеческий ум не поверит в то, что не способен осмыслить, и мне вовсе не хочется быть осмеянным публикой, проповедниками и газетчиками и выглядеть величайшим лжецом, в то время как я всего лишь стремлюсь поведать простую правду, которую когда-нибудь подтвердит наука. Возможно, знания, полученные мною на Марсе, и сведения, которые я могу запечатлеть в этой хронике, отчасти помогут вам понять загадку близкой к нам планеты — для меня же ее тайны открыты.

Меня зовут Джон Картер, но я более известен как капитан Джек Картер из Виргинии. В конце Гражданской войны я обнаружил, что обладаю несколькими сотнями тысяч долларов (в деньгах Конфедерации) и званием капитана кавалерийского подразделения армии, которая больше не существовала; я был слугой государства, растаявшего вместе с надеждами южан. Лишенный руководства, денег и предоставленный сам себе, я преисполнился решимости отправиться на юго-запад и попытаться поймать удачу в поисках золота.

Я потратил почти год, ведя геолого-разведочные работы вместе с другим офицером Конфедерации, капитаном Джеймсом К. Пауэллом из Ричмонда. Нам очень повезло, потому что в конце зимы 1865 года, после множества трудностей и лишений, мы наткнулись на такую богатую золотоносную жилу, какую только могли вообразить в своих мечтах. Пауэлл, имевший образование горного инженера, заявил, что здесь за каких-нибудь три месяца ничего не стоит добыть металла на миллион долларов.

Поскольку оборудование у нас было чрезвычайно примитивным, мы решили, что один из нас должен вернуться к цивилизации, приобрести все необходимые машины и нанять солидное количество людей, чтобы начать разработку этой кварцевой жилы.

Пауэлл хорошо изучил эти места, был знаком с горным делом и знал, какие механизмы нам потребуются, поэтому мы пришли к выводу, что будет лучше, если именно он отправится в эту поездку. А я должен был охранять нашу заявку на тот случай, если вдруг на жилу наткнется какой-нибудь бродячий золотоискатель.

Третьего марта 1866 года мы погрузили необходимые припасы на двух осликов, и Пауэлл, попросившись со мной, вскочил на лошадь и начал спускаться по горному склону — первая часть его пути пролегла через долину.

То утро, как почти всегда в Аризоне, было ясным и замечательным; я наблюдал, как всадник и вьючные животные осторожно пробираются вниз по откосам, и время от времени замечал их, когда они поднимались на какой-нибудь холмик или

пересекали ровное место. Последний раз я видел Пауэлла около трех часов дня, когда он приблизился к тени, что отбрасывал хребет по другую сторону узкой долины.

Примерно полчаса спустя я случайно посмотрел туда и был весьма удивлен, заметив три маленькие точки примерно в том же месте, где в последний раз мне попались на глаза мой друг и два его осла. Я вовсе не склонен к бессмысленной тревоге, но чем больше я старался убедить себя, что с Пауэллом все в порядке и точки на самом деле являются антилопами или мустангами, тем меньше мне верилось в это.

С тех пор как мы пришли в это место, нам ни разу не встречались враждебные индейцы, и потому беспечность наша не знала границ. Мы считали глупостью истории о многочисленных жестоких мародерах, что устраивают засады на дорогах, убивают и грабят белых путников, имеющих несчастье попасться к ним в лапы.

Пауэлл, насколько я знал, был отлично вооружен, более того, он мог похвастать опытом в сражениях с краснокожими. Однако я сам много лет воевал с индейцами-сиу на Севере, поэтому у меня были основания предполагать, что столкновение с бандой коварных апачей не оставит моему другу шансов. Наконец я не мог долгие выносить подозрений и, вооружившись двумя кольтами и карабином, надел на себя два полных патронташа и оседлал лошадь, чтобы ехать по утренним следам Пауэлла.

Добравшись до сравнительно ровного участка, я пустил своего коня легким галопом и скакал так все время, пока позволяла тропа. Ближе к сумеркам я очутился у места, где несколько тропинок пересекались с путем Пауэлла, и нашел отпечатки копыт трех неподкованных пони, причем они неслись во весь опор.

Я поспешил по их следу, пока не вынужден был остановиться из-за темноты, подождал, когда поднимется луна, и тут только принялся размышлять о разумности такой погони. Возможно, я просто навывдумывал каких-то бессмысленных опасностей, словно нервная старая домохозяйка. Вот догоню Пауэлла, и мы вдоволь посмеемся над моими страхами. Однако

я не был склонен к сентиментальности, и чувство долга, куда бы оно ни завело, всю мою жизнь являлось для меня чем-то вроде фетиша; и это сделало мне честь в трех республиках, которым я служил, и стало причиной награды, полученной от некоего старого и могущественного императора и нескольких менее сильных королей, на чьей службе мой клинок много раз обагрался кровью.

Около девяти вечера луна наконец осветила тропу достаточно ярко, чтобы можно было продолжить путь. Я не встретил каких-либо трудностей, двигаясь дальше, временами даже пускал лошадь быстрой рысью и около полуночи добрался до небольшого озерца, возле которого Пауэлл, предположительно, должен был остановиться на отдых. Я выскочил на открытое место внезапно и увидел: там совершенно пусто — ни малейших признаков того, что кто-то устраивал стоянку.

Я с интересом отметил, что гнавшиеся за Пауэллом (в чем я теперь не сомневался) всадники лишь ненадолго задержались у озерца; они постоянно двигались с той же скоростью, что и мой друг.

Теперь я был уверен, что эти люди — апачи, желающие захватить Пауэлла живым, просто для того, чтобы получить дьявольское наслаждение, мучая его. Поэтому я поскакал вперед с опасной скоростью, вопреки всему надеясь, что сумею нагнать краснокожих негодяев, прежде чем они нападут на Пауэлла.

Мои размышления внезапно прервало слабое эхо двух выстрелов далеко впереди. Я понимал, что сейчас Пауэлл нуждается во мне, как никогда, и сразу же подстегнул лошадь, погнав ее по узкой и опасной горной тропе.

Я несся вперед, наверное, с милю, не слыша больше никаких звуков, и тут вдруг дорога вышла на небольшое открытое плато возле самой высокой точки перевала. Перед этим я проскочил через узкое ущелье и теперь, очутившись на плоском участке земли, увидел нечто, наполнившее меня ужасом и отвращением.

Ровную площадку сплошь усеяли белые индейские вигвамы, чуть ли не полтысячи краснокожих воинов собрались в центре

лагеря. Их внимание было так поглощено неким предметом, что они не заметили меня, и я легко мог бы вернуться в темное ущелье и сбежать без особого риска. Однако тот факт, что эта мысль пришла ко мне лишь на следующий день, еще не дает мне права претендовать на звание героя, каковым меня могли бы наградить после рассказа об этом эпизоде.

Я не верю, что создан из того же материала, что и герои, поскольку из всех тех сотен случаев, когда мои импульсивные действия сталкивали меня лицом к лицу со смертью, я не могу припомнить ни одного примера, когда бы альтернативное решение приходило мне в голову раньше чем через несколько часов. Мой ум явно устроен так, что я неосознанно выбираю путь долга, не предаваясь утомительным мыслительным процессам. Но как бы то ни было, я никогда не сожалел о том, что мне не свойственна трусость.

Конечно, в то мгновение я пребывал в совершенной уверенности, что центром внимания индейцев является Пауэлл, однако не знаю, опередила ли эта мысль мои действия или наоборот — стоило мне увидеть эту сцену, как я выхватил свои револьверы и ринулся на целую армию воинов, бешено стреляя и крича во всю силу легких. Будучи один, я не мог бы выбрать лучшую тактику, потому что краснокожие, от неожиданности решившие, что на них напал полк регулярной армии, развернулись и бросились бежать во все стороны, хватая луки, стрелы и винтовки.

Картина, которая открылась мне в результате их поспешного бегства, наполнила меня мрачной тревогой и яростью. Под яркими лучами аризонской луны лежал Пауэлл, и его тело буквально оцетинилось вражескими индейскими стрелами. В том, что он погиб, сомневаться не приходилось, и все же я должен был спасти от рук апачей тело друга без промедления, как если бы вырывал его из объятий смерти.

Подскакав вплотную к нему, я наклонился в седле и, схватив мертвого Пауэлла за патронташ, быстро бросил его на холку своей лошади. Взгляд назад убедил меня, что отправляться по той тропе, по которой я добрался сюда, было бы куда более рискованно, чем двинуться вперед через небольшое плато,

*Стоило мне увидеть эту сцену, как я выхватил свои револьверы
и ринулся на целую армию воинов.*

и потому, дав шпоры моей бедной лошадке, я помчался через открытую местность к перевалу, который отчетливо виднелся в дальнем конце поляны.

К этому времени индейцы поняли, что я один, и с проклятиями пустились за мной в погоню, вслед мне полетели стрелы и пули из винтовок. Но при лунном свете в цель могут попасть разве что проклятия, к тому же дикари были слишком разозлены моей внезапной выходкой и тем, что противник оказался довольно шустрой мишенью. Все это спасло меня от разнообразных вражеских снарядов и позволило укрыться в тени, окружавшей вершины, прежде чем апачи сумели организовать грамотное преследование.

Я отпустил поводья, потому что знал: лошадь отыщет верный путь скорее меня. Но вышло иначе, вскоре она вынесла меня в теснину, тянущуюся к верхней части хребта, а я-то надеялся, что выберусь в долину и окажусь в безопасности. Похоже, именно своей лошади я обязан жизнью и теми необычными испытаниями и приключениями, что выпали на мою долю в последующие десять лет.

Когда пронзительные крики гнавшихся за мной дикарей затихли где-то слева, мне стало ясно, что я еду по другой дороге.

Я сообразил, что они обогнули каменистые зубцы на краю плато с левой стороны, а моя лошадь увезла меня и тело Пауэлла вправо.

Заставив коня подойти к ровному выступу, с которого просматривалась тропа внизу и слева, я увидел банду дикарей, исчезавшую за соседней вершиной.

Было ясно, что индейцы вскоре обнаружат свою ошибку и поиски возобновятся уже в правильном направлении, как только они отыщут мой след.

Я проехал немного дальше и тут увидел отличную тропу, огибавшую высокий утес. Она была ровной и довольно широкой, причем вела именно туда, куда я намеревался ехать. Скала поднималась справа от меня на несколько сотен футов, а слева примерно такой же высоты отвесная стена обрывалась в каменистое ущелье.

Через какую-нибудь сотню ярдов пришлось резко повернуть вправо, и я оказался у входа в большую пещеру — наверное,

фута четыре в высоту и от трех до четырех футов в ширину. Здесь тропа заканчивалась.

Уже наступило утро, и, как обычно в Аризоне, без всяких признаков рассвета внезапно вспыхнул солнечный свет.

Спешившись, я положил тело Пауэлла на землю. Самый тщательный осмотр не обнаружил в нем даже слабых признаков жизни. Почти целый час я хлопотал над ним, вливая воду из своей фляги в его мертвые губы, омывая ему лицо и растирая руки, хотя прекрасно понимал, что он мертв.

Я очень любил Пауэлла; он был во всех отношениях настоящим мужчиной — прекрасно воспитанный джентльмен, южанин, верный, стойкий, истинный друг. Наконец я с чувством глубочайшего горя бросил примитивные попытки оживить его.

Оставив тело Пауэлла там, где оно лежало, я забрался в пещеру для разведки. Она оказалась очень просторной, должно быть, не меньше сотни футов в диаметре и футов тридцать-сорок высотой; ровный, сильно истертый пол и многие другие свидетельства говорили о том, что некогда, в давние времена, эта пещера была обитаемой. Дальняя ее часть терялась в густой тьме, так что я не мог различить, есть ли из нее другие выходы или нет.

Продолжая исследование, я начал ощущать, как меня охватывает приятная сонливость, и решил, что это, конечно, результат усталости от долгого и трудного пути и реакция на возбуждение схватки и погони. Я чувствовал себя в относительной безопасности, потому что знал: один человек может защитить узкую тропу от целой армии.

Вскоре дремота совсем одолела меня, и я чуть не поддался сильному желанию упасть на пол пещеры и несколько минут отдохнуть, но я понимал, что делать этого нельзя: сон означал бы неминуемую смерть от рук моих краснокожих приятелей, которые могли найти меня в любой момент. С огромным усилием я направился к выходу из пещеры, но пошатнулся, прислонился к боковой стене — и бессильно сполз на пол.

II БЕГСТВО ОТ МЕРТВЕЦА

Чувство сладкой сонливости охватило меня, мои мышцы расслабились, и я уже готов был отдаться во власть Морфея, когда до моих ушей долетел стук копыт приближающихся лошадей. Я попытался вскочить на ноги, но с ужасом обнаружил, что тело отказывается подчиняться моей воле. Я полностью проснулся, но был так же не способен шевельнуться, как если бы обратился в камень. И лишь тогда, в первый раз, я заметил, что пещеру наполняет едва заметный, чрезвычайно легкий туман. Различить его можно было только на фоне выхода, сквозь который проникал дневной свет. Мои ноздри ощутили слабый острый запах — оставалось предположить, что я попал под действие какого-то ядовитого газа, но почему при полной ясности мысли мои конечности не слушались, объяснить было невозможно.

Я лежал лицом к выходу и видел короткий отрезок тропы между пещерой и краем утеса. Стук лошадиных копыт затих, и я рассудил, что индейцы, видимо, осторожно пробираются вдоль обрыва по узкому выступу, направляясь к моей обитаемой могиле. Я помню, как надеялся тогда, что они расправятся со мной быстро, поскольку мне вовсе не доставляла удовольствия мысль о бесконечных пытках, которым апачи могли меня подвергнуть, если бы им того захотелось.

Мне пришлось ждать не слишком долго. Тихий шорох предупредил меня о близости врагов, а потом из-за края скалы осторожно высунулось раскрашенное лицо, над которым колыхались перья боевого головного убора, — и глаза дикаря заглянули в мои глаза. В том, что он мог меня видеть в тусклом свете внутри пещеры, я был уверен — лучи утреннего солнца падали в отверстие входа.

Но индеец, вместо того чтобы двинуться ко мне, просто стоял и смотрел; его глаза выпучились, челюсть отвисла. Потом появилось еще одно раскрашенное лицо, и третье, и четвертое, и пятое, дикари вытягивали шею и заглядывали друг другу через плечо. И на каждом лице были написаны страх и благоговение, но почему — я понятия не имел и узнал это лишь десять лет спустя. Я понимал, что за спиной тех, кто рассматривал меня, толпились другие индейцы, — это следовало из того, что первые оборачивались и что-то шептали стоящим сзади.

Внезапно из глубины пещеры позади меня раздался негромкий, но отчетливый стонущий звук, и, как только он достиг ушей индейцев, они развернулись и убежали в ужасе, подгоняемые паникой. Они стремились оказаться как можно дальше от того невидимого, что таилось в темноте, и в этой спешке один из воинов сорвался с тропы и полетел с утеса на камни вниз головой. Яростные крики краснокожих еще некоторое время разносились над каньоном, а потом все снова стихло.

Звук, напугавший дикарей, не повторялся, но этого было достаточно для того, чтобы я принялся раздумывать о возможных ужасах, скрытых в тени за моей спиной. Страх — понятие относительное, так что сейчас я могу оценить свои чувства в тот момент лишь в сравнении с прошлым и будущим опытом, ведь я оказывался в опасности и до, и после этого случая. Признаюсь без стыда: если то, что я испытал в несколько последующих минут, было страхом, то пусть Бог поможет трусам, потому что трусость, без всякого сомнения, сама по себе является наказанием.

Парализованный, лежа спиной к чему-то ужасному, к некоей неведомой угрозе, один звук которой заставил свирепых апачей развернуться и броситься бежать, словно стадо овец при виде волков, я думал, что нет и не может быть худшего положения для мужчины, который привык сражаться за свою жизнь со всей силой и энергией.

Несколько раз мне казалось, будто я слышу тихие звуки позади, словно там кто-то осторожно двигался, но и этот легкий шум исчез, и я мог размышлять о своем положении, ни на что не отвлекаясь. Впрочем, мне оставалось лишь строить неопре-